

**А**

ВДОТЬЯ Истомина — ровесница Пушкина. Она же — первая исполнительница первых пушкинских балетов на петербургской сцене. Первая Черкешенка — нежная, преданная и пламенная. Первая Людмила — верная, женственная и чуть лукавая. «Пиши мне... об Черкешенке Истоминой, за которой я когда-то влюбился, подобно Кавказскому пленнику», — вот о чем просит Пушкин брата Льва Сергеевича две недели спустя после премьеры, в письме из Кишинева от 30 января 1823 года.

Истомина — героиня задуманной поэтом романтической истории «Две танцовщицы». Истомина — среди главных действующих лиц в пушкинских планах «Русского Пеламы». И, наконец, Истомина увековечена в первой главе «Евгения Онегина»:

Мои богини! что вы? где вы?  
Внемлите мой печальный  
глас:  
Все те же ль вы?  
Другие ль девы,  
Сменив, не заменили вас?  
Услышу ль вновь я  
ваши хоры?  
Узрю ли русской  
Терпсихоры  
Душой исполненный полет?

Мемуаристы — от Каратыгина до Панасей — сохранили мрачные картины тогдашнего быта театрального училища. Спартанский распорядок дня. Вспыльчивость мэтра Дидло, его нетерпимость к ленивым и небрежным, знаменитое «орудие кары» — палка, которую надолго запомнили его подопечные.

Соратница и единомышленница французского балетмейстера, Екатерина Александровна Сазонова вела младшие классы и не менее строго спрашивала со своих учениц. Видимо, под ее руководством и сделала первые шаги смышленная и способная воспитанница Истомина. Десяти-одиннадцати лет от роду она уже могла участвовать в школьном спектакле «Голубки Зелисы» да и в иных постановках Дидло, который любил украшать свои балеты танцами детей.

Наступил год 1815-й. Кончились трудные времена учения. Начался труднейший «искус театром». 1816-й принес ей громкую известность. Прекрасная выпускница явилась в роли прекрасной неренды. «Ацис и Галатея» — древний миф о морской нимфе. Ее возлюбленный погиб от камня, брошенного злобным циклопом. Но Галатея превратила Ациса в реку. Символ нераздельности душ. Символ могущества любви. Символ чар новой звезды русского балета.

Какой была семнадцатилетняя Галатея? Несомненно, пленительной. Ее встречал и провозглашал шум и восторг ладоней. Ее танцы, соединив блеск земной техники с поэтической воздушностью парения, поразили публику. Современники утверждали, что «легкостью и выразительностью» она не уступала знаменитой Тальони. Обаяние ее внешности тоже оказалось неотразимым. Огненные черные очи, опущенные длинными темными ресницами, вошли в предание.

В то время состоялась из-за Авдотьи знаменитая двойная дуэль: Шереметев — Завадовский, Грибоедов — Якубович. Шереметев погиб, а у Грибоедова была прострелена левая ладонь. Впоследствии, когда тело Вазир-Мухтара искали после тегеранской резни, его опознали по этому следу любовной дуэли...

Танцевала Истомина в спектаклях с самыми невероятными сюжетами. Действие разверты-

валось на экзотическом Востоке, на диких островах, в древней ацтекской земле («Кора и Алонзо, или Дева Солнца»). В яростное противоборство вступали Добро и Зло. Вулканически пламенели страсти. Герои являли собой олицетворенный Порок или, напротив, олицетворенную Добродетель. Порок бесславно отступал. Добродетель торжествовала победу. Оставаться естественной в подобных «предлагаемых обстоятельствах» было трудновато. Истоминой естественность да-

*Литер. Россия "28 мая 1975"*

## ЭТЮД ОБ АВДОТЬЕ



валась — дар счастливым и редкостным.

И еще дано ей было оставаться во всем русской балериной — в одухотворенном порыве, в задумчивой несуетности, в той красоте сердца и мысли, что угадывались за ее дивной красотой телесной.

Что дошло до наших дней от спектаклей, где блистала некогда Авдотья Истомина? Эскизы костюмов и декораций. Малочисленные гравированные изображения разных балетных эпизодов. Сведения, разбросанные в периодике. Подчас звучащие легендой факты, сосредоточенные в разных книгах — от «Записок» Вигеля до «Исторических очерков и рассказов» Шубинского.

Пожелтые листы нотной бумаги (нет-нет, а мелькнет и здесь имя Истоминой) доносят до нас расплывчатые на оркестровые голоса партитуры Венюа, Кавоса, Шольца. А «репетиторы» знакомят с переложением этой наивно-мелодичной музыки для скрипки, сопровождавшей тогда репети-

ции. Так и сегодня можно «услышать» балет эпохи Истоминой.

На прозрачно-розовых старинных камнях сплетают округлые руки три грации в античных хитонах, похожих на ампириные платья... С портретов смотрят петербуржанки, изображенные «в виде Психеи» (как требовала того небезызвестная Дама из гоголевского «Портрета»)...

То, что для историка искусства вместило в два слова «русский ампир» и прочно принадлежит прошлому, для юной Истоминой было повседневной, окружающей ее средой. Новомодная мебель обставляла комнаты, новомодные украше-

дан поместил в альманахе «Русская Талия» портрет Истоминой — Флоры. Горделивый и изящный одновременно поворот головы, увенчанной розами. Розы на полуобнаженной груди. Уста, цветущие безмятежной улыбкой.

Более строго Истомина — Флора на портрете работы неизвестного художника. Несколькo надменная посадка головы, выражение некоей замкнутости на лице, крупные, даже резковатые черты. Который из двух портретов достоверней? Кто из авторов с большей зоркостью уловил характер, созданный балериной, и характер самой балерины?

Были в ее звездной биографии горькие годы: и 1830-й, когда болезнь ног заставила ограничиваться менее сложными ролями; и 1836-й — год прощания со сценой. Был и «роковой» год — 1827-й, когда приезжая парижанка Бертра-Атрюк отняла у русских балерин их роли. Были годы, когда началась травля Дидло и его питомиц. Рассчитывать на понимание и человеколюбие чиновников из дирекции императорских театров было нечего. Казенное бездушие, чиновничье, холуйское пресмыка-

тельство перед вкусами двора — все ревностно охраняло неуязвимость посредственности, обрекая на поражение раинный и хрупкий талант. Столь славно начатый путь завершился в тени непризнания, официальной враждебности, оскорбительно-колых намеков газетчиков. Быть может, подробности истоминской трагедии хранятся в еще не известных и тающих столько увлекательного документах?..

Быть может, в еще не разысканных письмах, воспоминаниях, дневниках отыщутся подробности семейной жизни урожденной Истоминой, в 1837 году сочетавшейся браком с актером П. Экуниным? Быть может, еще обнаружатся более обстоятельные сведения о судьбе их сына Алексея, рожденного в 1839 году, за девять лет до кончины Истоминой во время эпидемии холеры?..

Быть может, в музейных фондах хранятся еще неопознанные портреты балерины? В истории ее жизни предостаточно тайн, неразгаданных штрихов, неосвоенных периодов. Но даже если нашим познаниям суждено стать богаче, даже если будущее подарит нас открытиями разительными и неожиданными, на все времена Истомина останется в портрете, созданном Пушкиным.

XX строфа I главы «Евгения Онегина» исследована многократно историками балета. Из строфы XIX — высокие слова «русской Терпсихоры душой исполненный полет» вошли в теперешний журналистский обиход, щедро раздаются нынешним коллегам Авдотьи Ильиничны Истоминой, превращаясь часто в газетный штамп. Однако ни обилие толкований и комментариев, ни столь частое обращение к пушкинской строке, ни самый ход времени — ничто не властно над словом Геня. Сегодня лишь слово хранит для нас живой образ балерины:

Блистательна, полувоздушна,  
Смычку волшебному  
послушна,  
Толпою нимф окружена,  
Стоит Истомина; она,  
Одной ногой насыая пола,  
Другую медленно кружит,  
И вдруг прыжок, и вдруг  
летит.  
Летит, как пух от уст Эола;  
То стан совет, то разовьет,  
И быстрой ножкой  
ножку бьет.  
Елена ЛУЦКАЯ